

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-48-85

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

А.Х. БОРОВ

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Е.Г. МУРАТОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: lensgm@mail.ru*

Ю.М. АЗИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Аннотация. Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории Кабардино-Балкарии является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем, к которым принадлежит интерпретация традиционной системы социально-политических или

интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. В предшествующей публикации было рассмотрено становление историографической традиции в XVIII – начале XX в. Предлагаемая статья имеет целью продолжить исследование этой темы на материале советской и постсоветской историографии. Рассмотренный в статье материал свидетельствует, что построение обобщенной концепции традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе представляет собой сложную проблему, затрагивающую фундаментальные вопросы изучения региональной истории. Первый из них – это вопрос о применимости категорий, выработанных в других социальных науках или на историческом материале других эпох и регионов к северокавказской реальности XVI–XVIII вв. При этом отдельные элементы и взаимосвязи отождествляются со структурой системы в целом. Интер-социальные взаимодействия, которые развертываются как в пространстве, так и во времени, получают статичное, исключительно пространственное представление. Второй вопрос связан с необходимостью дифференцировать этническую и социально-политическую номенклатуру в представлении Центрального Кавказа как пространства интер-социальных взаимодействий. Современная историография в явной или неявной форме помещает социальные взаимодействия владельцев и обществ региона в «межэтнический» и/или «этнополитический» контекст. Исторические концепции в известной степени отрываются от источниковых данных XVI–XVIII вв., в которых субъектами интер-социальных взаимодействий никогда не выступают этнические общности – «народы». Обобщенная интерпретация исторического опыта интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе возможна на основе соединения «нарративного», описательного подхода с «надэтническим» представлением региона как пространства, имеющего сложный природный и социальный ландшафт. Наиболее устойчивой общей функцией традиционной системы интер-социальных взаимодействий выступает поддержание порядка, понятного всем их участникам и обеспечивавшего воспроизводство каждой этносоциальной единицы, занимающей собственную природно-экологическую нишу.

Ключевые слова: Россия; Центральный Кавказ; XVI–XVIII вв.; интер-социальные взаимодействия; история; советская историография; современная историография.

CENTRAL CAUCASUS AS A SPACE OF SOCIO-POLITICAL INTERACTIONS: HISTORIOGRAPHICAL RESULTS AND RESEARCH PROSPECTS

A.Kh. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

E.G. MURATOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173*

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18*

E-mail: lena_gm@mail.ru

Yu.M. AZIKOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173*

*FSBSE «Federal Scientific Center
‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: i.azikova@kbsu.ru*

Abstract. Part of the preparatory work for writing a generalizing history of the Kabardin-Balkaria is summing up the results of a scientific study of its key problems, which include the interpretation of the traditional system of socio-political or inter-social interactions in the Central Caucasus. In the previous publication, the formation of the historiographical tradition in the 18th – early 20th centuries was considered. The proposed article aims to continue the study of this topic using the material of Soviet and post-Soviet historiography. The material considered in the article shows that the construction of a generalized concept of the traditional system of inter-social interactions in the Central Caucasus is a complex problem that touches upon the fundamental issues of the study of regional history. The first of them is the question of the applicability of categories developed in other social sciences or on historical material from other eras and regions to the North Caucasian reality of the 16th – 18th centuries. In this case, individual elements and relationships are identified with the structure of the system as a whole. Inter-social interactions that unfold both in space and in time receive a static, exclusively spatial representation. The second question is related to the need to differentiate ethnic and socio-political nomenclature in the representation of the Central Caucasus as a space of inter-social interactions. Contemporary historiography explicitly or implicitly places the social interactions of the owners and societies of the region in an “interethnic” and / or “ethnopolitical” context. Historical concepts to a certain extent are divorced from the sources of data of the 16th – 18th centuries, in which ethnic communities – “peoples” are never the subjects of inter-social interactions. A generalized interpretation of the historical experience of inter-social interactions in the Central Caucasus is possible on the basis of combining a “narrative”, descriptive approach with a “supra-ethnic” representation of the region as a space with a complex natural and social landscape. The most stable general function of the traditional system of inter-social interactions is the maintenance of order that is understandable to all their participants and ensured the reproduction of each ethno-social unit that occupies its own natural-ecological niche.

Keywords: Russia; Central Caucasus; 16th – 18th centuries; inter-social relations; history; soviet historiography; modern historiography.

Введение

В последнее время в региональном сообществе историков все более активно поднимается вопрос о необходимости начать работу над созданием обобщающей академической истории Северного Кавказа. Разумеется, это масштабная задача, решение которой должно быть подготовлено выполнением конкретных исследований по широкому кругу проблем, относящихся к различным аспектам и периодам исторического развития. Но даже при наличии

достаточного материала требуется предварительное решение сложной проблемы методологического синтеза.

Специфика этой проблемы связана с полисубъектностью регионального исторического процесса. В обобщающих историях Северного Кавказа и ее республик должен быть осуществлен синтез национальных историй народов региона. Дополнительную трудность здесь создает выход проблемы на актуальную общественно-политическую ситуацию, в которой большое место все еще занимает проблематика межнациональных отношений. Но одновременно это делает ее решение еще более настоятельным, в частности, для Центрального Кавказа и Кабардино-Балкарской Республики.

Частью подготовительной работы к написанию обобщающей истории региона является подведение итогов научного изучения ее ключевых проблем, к которым принадлежит интерпретация традиционной системы социально-политических или интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Анализ историографии проблемы присутствует в работах авторов, исследовавших различные ее аспекты [Муратова 2007; Бегеулов 2009; Кожев 2016]. Наиболее полный обзор и общие оценки подходов и концепций затрагивавших ее авторов, начиная с XVIII и заканчивая началом XXI в., дан в монографии З.А. Кожева. По его оценке «в отечественной историографии практически не существует специальных работ, посвященных комплексному изучению многообразных форм межэтнического взаимодействия автохтонных народов Северного Кавказа» и, соответственно, в ней «отсутствует связная, развернутая концепция кабардино-горских отношений» помимо «несколько упрощенных схем», предполагающих «классовый союз» их привилегированных сословий и братскую дружбу «народных масс» [Кожев 2016: 10, 14]. Следует согласиться с первой частью этой оценки, но при этом бросается в глаза, что в рассматриваемом обзоре пропущены весьма важные работы, включая монографии В.М. Батчаева, Е.Г. Муратовой и Р.М. Бегеулова [Батчаев 2006; Муратова 2007; Бегеулов 2009]. Что касается итоговой оценки продуктивности «традиционного подхода к изучению истории и этнографии края», то не вполне правомерно строить ее только на идейно-теоретических выводах, которые извлекались из исторического материала в советский период.

Представляется назревшим специальное изучение отечественной историографической традиции исследований системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе во всем ее объеме. В предшествующей публикации было рассмотрено становление историографической традиции в XVIII – начале XX в. [Боров и др. 2020]. Предлагаемая статья имеет целью продолжить исследование этой темы на материале советской и постсоветской историографии. Обозначение объекта анализируемых в статье работ как «пространства социально-политических взаимодействий» отражает то обстоятельство, что мы отвлекаемся от хозяйственно-экономических и этнокультурных аспектов темы. В качестве синонима используется понятие «традиционная система интер-социальных взаимодействий», что позволяет дать аутентичное представление материала источников, говорящих большей частью о взаимоотношениях не «народов», а

«владельцев» и «обществ» региона, и, вместе с тем, не подчинять собственный анализ категориям «межэтнических» или «этнополитических» отношений, превалирующим в современном общественно-научном дискурсе.

От политико-идеологических оценок к академическому канону советской историографии

Представление в общественно-научном дискурсе традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе с середины XIX в. и вплоть до наших дней в значительной степени определялось актуальными запросами общества и задачами государственной политики в регионе.

В имперский период образованные представители горских этнических элит доказывали, что степень влияния кабардинских князей на горские общества и их привилегированные сословия в представлениях властей сильно преувеличена; что в прошлом притязания кабардинских князей установить свое господство имели место, но горские общества в целом отстаивали свою независимость; что политика государства по отношению к этим обществам должна строиться на понимании их потребностей в земельных ресурсах для поддержания достойного существования в условиях роста населения. В представлении системы интер-социальных взаимодействий усилилось влияние элементов этнополитической конкуренции. Но имперская администрация действовала в этой сфере весьма осторожно и неспешно.

Идеологические установки советской власти в вопросе о земле и специфика ее организации на Центральном Кавказе имели гораздо более глубокое влияние на систему интер-социальных взаимодействий. Парадоксальным образом, сугубо социально-классовый подход к решению вопроса о земле, воплотившийся в принципе ее уравнительного перераспределения, вылился в Терской советской республике 1918 г. в практику перекраивания этнических территорий. После восстановления советской власти в регионе в 1920 г. в земельно-территориальном вопросе органы советской власти продолжили ту же политику, что осуществлялась в Терской республике [Кажаров 2019: 146]. Таким образом, социально-классовое и хозяйственно-экономическое содержание земельного вопроса на Центральном Кавказе приобрело национально-политическую форму, а его решение в начале 1920-х гг. осуществлялось через территориальное разграничение национальных автономий.

В таком контексте реализовался первый опыт концептуализации исторических и актуальных проблем интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. Развернутое воплощение он нашел в давно известной историкам, но впервые опубликованной А.Г. Кажаровым в 2010 г., обширной докладной записке «История межнациональной розни между Карачаем и Кабардой и земельный вопрос» [Улигов 1972: 128–129; Докладная записка... 2010: 376–400]. Она была подготовлена У.Д. Алиевым и представлена в Совет народных комиссаров РСФСР в декабре 1921, когда решался вопрос о создании

Карачаево-Черкесской автономной области, что предполагало и необходимость определения границ Карачая с Кабардой [Кажаров 2010: 77].

В качестве предмета своей записки У.Д. Алиев обозначает «начало и развитие национального антагонизма между карачаевским и кабардинским народами». Признавая, что марксистский подход предполагает «его обоснование на экономических причинах», автор считает необходимым предварить его анализом основных аспектов «их исторического прошлого как в политическом, так поземельном и сословном отношении» ибо они «служат для перспективы правильных выводов» [Докладная записка... 2010: 376].

Относительно традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в записке воспроизводятся характерные для XVIII – первой половины XIX в. представления о доминировании кабардинских князей. Буквально У.Д. Алиев говорит о «владычестве кабардинских «пши» над горскими племенами» [Докладная записка... 2010: 377]. Подчинение Кабарды российской власти не положило конец, а только изменило формы эксплуатации других горских племен кабардинскими пши и дворянством [Докладная записка... 2010: 378].

Бросается в глаза, что в оценке традиционной системы интер-социальных взаимодействий позиция У.Д. Алиева прямо противоположна той, которую отстаивали за 10–12 лет до этого М.К. Абаев и Б.А. Шаханов. По оценке М.К. Абаева, все балкарские общества сумели в постоянной борьбе «с почти кочевым народом – Кабардою» сохранить свою независимость и самостоятельность [Абаев 1992: 13–14]. Б.А. Шаханов отвергал преувеличенные представления о «господстве кабардинцев», заявляя, что «пора оставить рассказы о том, что будто бы карачаевцы и горцы (за исключением балкарцев) находились как бы в состоянии рабства у кабардинских князей» [Шаханов 1991: 165]. У.Д. Алиев не просто воспроизводил эти «рассказы», но действительно доводил их до неправдоподобия, добавляя ничем не подтвержденные описания унижительных для горцев проявлений произвола кабардинских князей. Это вело к некорректному толкованию свидетельств, искажению фактов и логическим противоречиям. Но они компенсировались политической последовательностью и прагматической целесообразностью. Задача, которая решалась в записке заключалась в том, чтобы убедить руководство Советской России разрешить земельный вопрос на началах уравнительного землепользования путем масштабного перераспределения земельных ресурсов между Кабардой и Карачаем и зафиксировать это в административных границах создаваемых автономных областей.

С этой точки зрения логична была акцентировка эксплуататорской и угнетательской природы отношений Кабарды с соседними горскими народами. Но «классовый» анализ приобрел у У.Д. Алиева своеобразный характер. Речь шла не только о кабардинских феодалах и русском царизме как носителях эксплуататорского начала, но о кабардинцах в целом [Докладная записка... 2010: 378, 383].

В обширном историко-этнологическом и культурно-экономическом описании Карачая, изданном в 1927 г., У.Д. Алиев в целом воспроизвел

основные тезисы Записки 1921 г., но с некоторыми изменениями. Так, он несколько модифицирует характеристику последствий вхождения Центрального Кавказа в состав Российской империи. Повторяя тезис о стремлении кабардинских князей сохранить право «на эксплуатацию – управление карачаевцами», У.Д. Алиев уже не говорит об отчуждении земель у горцев в пользу Кабарды. Напротив, он свидетельствует, что русское правительство в 1860-х гг., определяя «общее пространство земель для Карачая», добавило ему по смежности земли, на которых построило новые селения, носившие впоследствии название «Новый» или «Малый Карачай» [Алиев 1991: 52]. Равным образом, повторяя тезис о связи межнациональной розни с «издавна обостренными земельными отношениями между карачаевцами и кабардинцами», У.Д. Алиев акцентирует роль царской администрации в разжигании ее [Алиев 1991: 75].

Если в записке 1921 г. У.Д. Алиев акцентировал социально-классовый аспект проблемы, чтобы обосновать необходимость безотлагательного решения земельного вопроса на уравнительных началах и соответствующего разграничения территорий национальных автономий, то в очерке 1927 г. более явно проступает мысль о национальных интересах, как самостоятельном факторе в процессах национально-государственного строительства. У.Д. Алиев указывает, что Горская республика пыталась разрешить земельный вопрос «внутри себя, за счет одной группы горцев для других», и что «[е]динственные среди горских народов более или менее обеспеченные землей, кабардинцы прежде всего не соглашались на урезку своей национальной территории, ибо это похоже было бы не на получение от революции, а на потерю того, что они имели раньше» [Алиев 1991: 202, 204].

Таким образом, в работах У.Д. Алиева 1920-х гг. отразилась и была определенным образом осмыслена вся сложность взаимосвязей истории и актуальной политики, традиций землепользования и этнотерриториальной структуры региона, классовых и национальных интересов в контексте глубокой реорганизации социального и политико-административного пространства Центрального Кавказа. Однако упорядочивалось это многообразие явлений не столько в соответствии с исторической реальностью их взаимосвязей или с определенным теоретическим подходом, сколько в соответствии с прагматическим интересом конкретной национальной группы населения региона.

Стабилизация системы национально-территориальных автономий и аграрный переворот, связанный с коллективизацией в 1930-е гг. как бы разорвали преемственность социально-экономических и национально-политических форм существования народов Центрального Кавказа с традиционным порядком интер-социальных взаимодействий. Одновременно шло становление профессиональной исторической науки в регионе, крупнейшим представителем которой в довоенный период был Г.А. Кокиев. Первый опыт собственно академического изучения традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе был осуществлен в его работах. Наиболее показательна в этом плане статья о кабардино-

осетинских взаимоотношениях в XVIII в., опубликованная в 1938 г. в Исторических записках института истории АН СССР. Работу характеризуют опора на критически интерпретированный источниковый материал, последовательная реализация определенных теоретических принципов (в данном случае – марксистского классового анализа), полнота и системность рассмотрения предмета.

Критический пафос статьи направлен против двух внешне противоположных точек зрения, оформившихся в недрах «великодержавной русской историографии». Первая развивала тезис о «притеснении» осетин кабардинцами вообще, подменяя классовый гнет национальным, тогда как в действительности следовало говорить о притеснении и эксплуатации осетинского трудового крестьянства осетинскими и кабардинскими феодалами. Вторая точка зрения вовсе снимала вопрос о феодально-вассальной зависимости осетин от кабардинских феодалов. Ее также Г.А. Кокиев считает совершенно несостоятельной и объясняет ее возникновение в XVIII в. необходимостью соблюдать ограничения, налагаемые Белградским мирным договором, при экономической и стратегической заинтересованности царизма в колониальном захвате Осетии [Кокиев 2005а: 123, 124].

Давая характеристику социальной структуры осетинского и кабардинского обществ, Г.А. Кокиев констатирует, что во всей Осетии «еще задолго до завоевания Осетии царской Россией сложились классовые отношения», и в осетинском обществе той эпохи «совершенно четко различаются два класса с резко выраженными противоположными классовыми интересами: класс феодалов-эксплуататоров и класс трудового крестьянства, эксплуатируемого феодалами». Но процесс классового расслоения в Западной Осетии, в силу внутренних и внешних причин, проходил более интенсивно, чем в восточных районах Осетии. К внешним причинам Г.А. Кокиев относил установившиеся довольно рано «вассальные отношения между дигорскими феодалами и кабардинскими князьями, которые, несомненно, оказывали дигорским феодалам всяческую, в том числе и вооруженную, помощь в деле подчинения дигорского трудового крестьянства местным баделятам [Кокиев 2005а: 125]. А феодальный строй Кабарды по степени своего развития стоял выше феодализма в Осетии, и в период накануне царского завоевания его можно считать установившимся, отмечает Г.А. Кокиев [Кокиев 2005а: 132].

Исторические известия XVIII в. о независимости осетин от кабардинских феодалов, которые исходили от осетинских феодалов, добивавшихся подданства царской России, Г.А. Кокиев считает необъективными и недостаточно убедительными [Кокиев 2005а: 145–148]. С другой стороны, по оценке Г.А. Кокиева, целый ряд исторических сведений свидетельствует о кабардино-осетинских феодально-вассальных отношениях. [Кокиев 2005а: 149, 151].

Для наших целей важна трактовка Г.А. Кокиевым генезиса и природы кабардино-горских отношений. Установление зависимых отношений между кабардинскими князьями и горскими племенами Центрального Кавказа – чеченцами, ингушами, осетинами он относил к середине – второй половине

XVI в., когда произошел распад Кабарды на Большую и Малую и последняя заняла предгорную равнину к востоку от Терека [Кокиев 2005b: 200–204]. По оценке Г.А. Кокиева, установившиеся тогда зависимые отношения между кабардинскими феодалами и горскими племенами длились на протяжении нескольких столетий и «укрепились настолько, что уже в XVIII в. кабардинские князья могли говорить об этих народах, как о своих подданных» [Кокиев 2005a: 148–149; Кокиев 2005b: 205].

Но Г.А. Кокиев не ограничивается воспроизведением таких общих суждений о «подданстве народов», создающих впечатление об этнополитической природе интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. За этой внешней картиной он видит более сложную внутреннюю структуру классовых взаимоотношений. Последовательно классовый подход к изучаемому явлению выражается в том, что он отдельно рассматривает отношения кабардинских феодалов с осетинскими крестьянами и с осетинскими феодалами.

В качестве фундаментальной причины установления зависимости осетинских обществ и крестьян от кабардинских феодалов Г.А. Кокиев указывает на то, что равнинные земли Центрального Кавказа находились «в монопольном владении кабардинских феодалов» [Кокиев 2005a: 163]. Это обстоятельство двояким образом обусловило «закабаление осетинского крестьянства кабардинскими феодалами». Во-первых, живя «исключительно в нагорной полосе, где они занимались земледелием и скотоводством» осетины «испытывали исключительную нужду в покосной и особенно в пахотной земле». Необходимость вести сезонное хлебопашество и сенокосение «на низких местах» вынуждала их платить подать кабардинским феодалам, а переселение на предгорную равнину вело к углублению и расширению феодальной эксплуатации осетинского крестьянства кабардинскими князьями [Кокиев 2005a: 152–154]. Во-вторых, все торговые пути, соединявшие осетинские ущелья с пограничными русскими городами, проходили через владения кабардинских князей. С течением времени дорожные платежи, которые кабардинские феодалы взимали с осетинского крестьянства, могли принять характер постоянной и обязательной повинности [Кокиев 2005a: 155–156].

Таким образом, отношения кабардинских феодалов с осетинскими крестьянами это отношения эксплуатации. Г.А. Кокиев подчеркивает, что источники позволяют с определенностью установить имена и фамилии кабардинских феодалов, у которых осетинские крестьяне отдельных районов и ущелий находились в феодальной зависимости и кому они платили феодальные повинности с каждого крестьянского двора. Он фиксирует также, что эти повинности определялись нормами обычного права осетинских обществ, но во второй половине XVIII в. кабардинские феодалы перестали довольствоваться прежними нормами феодальных повинностей и стали требовать от осетин повинностей, значительно превышавших прежние нормы [Кокиев 2005a: 149–152]. При этом, если взимание феодальных повинностей с осетинского крестьянства в нагорной полосе носило, видимо, эпизодический характер, то в

предгорной равнине, куда переселялись страдавшие от малоземелья осетинские крестьяне, феодальные повинности носили систематический характер и охватывали все отрасли крестьянского хозяйства [Кокиев 2005а: 154].

Отношения кабардинских и осетинских феодалов Г.А. Кокиев характеризует как сюзеренно-вассальные: «Осетинские феодалы на основе вассальной зависимости от кабардинских князей имели ряд обязательств перед своими сюзеренами. Каждый из осетинских феодалов обязан был в подвластных ему селах собирать с осетинского крестьянства положенные феодальные повинности для себя и для своего сюзерена. Осетинские феодалы обязаны были также оказывать своему сюзерену помощь вооруженной силой. В свою очередь кабардинские князья оказывали своим вассалам всяческую помощь, в том числе и вооруженную, против эксплуатируемых крестьянских масс» [Кокиев 2005а: 156]. Эти взаимные обязательства формировали определенный классовый союз, который скреплялся: установлением родственных связей; общностью религии и социокультурных норм (Г.А. Кокиев отмечает, что осетинские феодалы из классовой солидарности со своим сюзереном поголовно все исповедывали одинаковую с кабардинскими князьями мусульманскую религию, а знание кабардинского языка и соблюдение чрезвычайно сложного этикета кабардинских князей для осетинских феодалов считались обязательными и являлись признаком хорошего тона и «благородного» происхождения); древним обычаем аталычества; широко практикуемой материальной взаимопомощью; постоянным живым общением (приезды кабардинских князей к осетинским феодалам и ответные визиты последних носили систематический характер) [Кокиев 2005а: 160–161].

Общность интересов и многообразие связующих институтов не означали полной гармонии межфеодальных отношений. Г.А. Кокиев указывает на факторы, ослаблявшие и подрывавшие классовый союз кабардинских и осетинских феодалов. Стремление осетинских феодалов освободиться от вассальной зависимости от кабардинских князей основано было на нежелании делиться со своим сюзереном получаемыми от осетинского крестьянства доходами. По мере приближения царской России к горским пределам борьба осетинских феодалов за освобождение от вассальной зависимости от кабардинских князей все более усиливалась. Земельная теснота в горных ущельях могла быть разрешена лишь путем выселения их на предгорную Северо-Кавказскую равнину, которой владели кабардинские феодалы. После того, как осетины стали выселяться с гор на предгорную равнину, осетинские феодалы стали претендовать на эти земли [Кокиев 2005а: 147, 162–164].

Таким образом, основным фактором эволюции системы интерсоциальных взаимоотношений на Центральном Кавказе в XVIII в. выступало все более активное вмешательство в них Российской империи. Осетинские верхи ориентировались на Россию, настаивая на своей независимости от кабардинских князей и добиваясь доступа к землям предгорной равнины. Для России установление контроля над Дарьяльским ущельем и территориями, населенными осетинами и ингушами было стратегически и экономически

необходимо. Но «вмешательство царской России во внутренние дела не только Кабарды, но и подвластных феодальной Кабарде горских народов не могло не рассматриваться Оттоманской Портой иначе, как нарушение суверенных прав Кабарды, а следовательно, и как нарушение Белградского мирного трактата» [Кокиев 2005а: 169]. Активизация колониальной политики России на Центральном Кавказе стала возможной после начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора [Кокиев 2005а: 172–173].

Можно видеть, что Г.А. Кокиев разработал цельную концепцию генезиса, природы и эволюции традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, выдержанную в духе ортодоксального классового подхода. Ее ключевые положения сводились к тому, что контроль кабардинских князей над предгорной равниной с ее пастбищными угодьями и пролежавшими по ней торгово-стратегическими путями вынудил горцев признать над собой их власть; отношения феодальных верхов Кабарды и горских обществ строились на началах вассалитета и представляли собой классовый союз, не отменявший противоречий и конфликтов между ними; горское крестьянство подвергалось двойному феодальному гнету, обеспечивавшемуся экономическим и внеэкономическим принуждением; основным фактором эволюции/эрозии системы интер-социальных взаимоотношений в XVIII в. выступало все более активное вмешательство в них Российской империи.

Фактически здесь был задан канон советской историографии традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе. В послевоенный период он в меньшей степени нашел воплощение в специальных исследованиях и в большей – в общих работах по истории отдельных автономий и народов региона.

Проблема интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в национально-региональных нарративах 1950–1980-х гг.

Характер представления традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в обобщающих работах по региональной истории определялся тем, что строясь на марксистской классовой методологии, они представляли собой по сути очерки национальной истории тех или иных народов. Определяющее значение придавалось внутренним социально-классовым отношениям, интер-социальные взаимодействия относились к «внешним» и, в этом смысле, второстепенным связям и факторам. Отсюда – сравнительно небольшой удельный вес в них соответствующего материала.

Сам Г.А. Кокиев в кратком историческом очерке Кабарды для юбилейного издания 1946 г. «Кабардинская АССР» затрагивал тему только в связи с описанием мотивов завоевания Кабарды, одним из которых было «ее политическое значение»: «Кабарда на Северном Кавказе играла ведущую культурно-политическую роль. Многие горские племена находились от

Кабарды в полной или частичной зависимости. Исторические судьбы горских народностей теснейшим образом были связаны с Кабардой» [Кокиев 2005с: 442]. Как видно, здесь он ограничивается констатацией «полной или частичной зависимости» многих горских племен от Кабарды. Т.е. на первый план выступает не классовое содержание, а этнополитическая «оболочка» интерсоциальных взаимодействий.

В академическом издании «История Кабарды» 1957 г. содержался небольшой параграф о взаимоотношениях «кабардинцев с другими народами Кавказа». В нем отмечалась зависимость в XVIII в. части осетин, «от кабардинских князей», что имело экономические основания. Осетинские крестьяне «находились под двойным гнетом местных и кабардинских феодалов», а осетинские феодалы, «будучи вассалами кабардинских князей», участвовали в их политических интригах, вступали с ними в родственные связи. Относительно других соседей Кабарды автор главы ограничился одной фразой: «В вассальной зависимости от кабардинских князей находилась также значительная часть абазинцев, частично ингуши, балкарцы и некоторые другие народности Северного Кавказа» [История Кабарды... 1957: 65–66].

В академической истории Северо-Осетинской АССР (1959) осетино-кабардинским отношениям в XVI – первой половине XVIII в. был посвящен отдельный параграф. Интересно, что исходным пунктом описания осетино-кабардинских отношений служила характеристика феодальной иерархии в Кабарде, на высшей ступени которой находились князья, «власть которых в кабардинском обществе была исключительно велика» [История Северо-Осетинской... 1959: 105]. Вместе с тем авторы отмечали, что вассальные кабардино-осетинские отношения носили поверхностный характер. Они сводились к тому, что осетинские феодалы стремились получить в лице кабардинских князей и их вассалов покровительство и защиту, а в ответ должны были нести известные повинности, которые зависели от степени силы кабардинских феодалов, с которыми они находились в вассальных отношениях и со временем ослабевали [История Северо-Осетинской... 1959: 106–107].

В «Очерках истории балкарского народа» (1961) особенно тесная связь балкарцев «с братским кабардинским народом» объяснялась «как географическими условиями, так и исторически сложившейся обстановкой». Подчеркивалась глубокая экономическая основа развития балкаро-кабардинских связей. Пользуясь тем, балкарцы весной и осенью должны были пасти свои стада на Кабардинской равнине и получать продукты земледелия «из Кабарды или через Кабарду», кабардинские феодалы «старались подчинить своему политическому влиянию балкарских таубиев, часть которых стремилась установить классовый союз с кабардинскими феодалами, с тем чтобы с их помощью укрепить свое господство над крестьянами» [Очерки истории... 1961: 38, 39].

В первом томе академической «Истории Кабардино-Балкарской АССР» взаимоотношения Кабарды и Балкарии с соседними народами в XVI-XVIII вв. была посвящена отдельная глава. В параграфе о кабардино-балкаро-осетинских отношениях подчеркивалось, что решающую роль в укреплении их взаимных

связей играла земля. Осетины, жившие в горах, остро нуждались в земле, но чтобы получить участок земли на равнине для пользования или для поселения необходимо было согласие кабардинских владельцев, в руках которых находились северные предгорные равнины до самых входов в осетинские ущелья. Кроме того, владельцев Кабарды и Осетии сближала взаимная заинтересованность в пользовании горными пастбищами и степными просторами. Констатировалась вассальная зависимость части осетинских феодалов от кабардинских князей. Она характеризовалась как классовый союз феодальных верхов Кабарды и Осетии, направленный против кабардинского и осетинского крестьянства. Первые, опираясь на осетинские верхи, получала подати с осетинских обществ, а вторые «стремились укрепить свое положение с помощью кабардинских сеньоров». При этом оговаривалось, что зависимость отдельных осетинских обществ от князей Кабарды не была постоянной и устойчивой, нередко она носила чисто номинальный характер, а некоторые осетинские общества вовсе не испытывали этой зависимости [История Кабардино-Балкарской... 1967: 176–177].

В той же логике построен параграф о связях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII вв. Дополнительно в нем отмечалось, что в процессе переселения чеченцев и ингушей на равнину в бассейне Терека постепенно образовались смешанные поселения из чеченцев, кабардинцев и ингушей. А вассальная зависимость части чеченских и ингушских владельцев от князей Кабарды была непрочной, постепенно становилась чисто формальной и к концу XVIII в. перестала существовать [История Кабардино-Балкарской... 1967: 179–182].

Обрисованная выше комплексная интерпретация традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, присутствовала во всех обобщающих трудах по истории народов Северного Кавказа, издававшихся в конце 1950-х – 1980-х гг. Она имела общую логическую структуру, включающую в себя положения: о хозяйственно-экономической обусловленности тесной взаимосвязи обществ горной и предгорно-равнинной зон; о центральном месте в этих взаимосвязях Кабарды, занимавшей территорию равнин и предгорий Центрального Кавказа; о значении феодальных практик кабардинского княжеского сословия, обусловивших институционализацию сюзерен-вассальной формы интер-социальных взаимодействий; о социально-классовой, а не национальной природе противоречий, генерируемых в сфере интер-социальных взаимодействий; о самостоятельной ценности тесного человеческого и хозяйственного общения, способствовавшего взаимообогащению культур и сближению народов Центрального Кавказа. Вместе с тем изложенная общая концепция дополнялась в различных изданиях некоторыми акцентами и нюансами.

В очерках истории Карачаево-Черкесии (1967) привлекает внимание специфическая ситуация абазин, по отношению к которым сталкивались притязания кабардинских князей и крымских ханов. В результате абазин-тапанта периодически «переводили на поселение» то на Кубань, то в Кабарду. Подчеркивается, что абазины в «принципе неохотно признавали власть

кабардинцев над собой и при всяком удобном случае пытались уйти от этой зависимости». Зависимость карачаевцев от кабардинских феодалов определялась как «политическая», выражавшаяся в «тяжелой дани», против которой «карачаевцы также всегда протестовали» [Очерки истории Карачаево-Черкесии... 1967: 244, 259].

Авторы очерков истории Чечено-Ингушской АССР (1967) связывали факты зависимости чечено-ингушских обществ от кабардинских феодалов с тем, что с ослаблением Золотой Орды и после походов Тимура кабардинцы расселились, в том числе, «в западных районах плоскостной зоны Чечено-Ингушетии» [Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967: 45]. А в XVI в. уже вайнахи, нуждавшиеся в землях на северокавказской низменности стали селиться в притеречной полосе и отдельные переселившиеся чечено-ингушские общества «оказались в некоторой экономической и политической зависимости от кабардинских и дагестанских феодалов, контролировавших северные районы равнинных земель» [Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967: 48–49]. Акцентировалась народная традиция борьбы чеченских и ингушских обществ с притеснениями кабардинских князей, дагестанских шамхалов и аварских нусалов. Специфика этой борьбы заключалась в том, что пришлые (кабардинские, кумыкские и др.) феодалы пользовались поддержкой русского царизма [Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967: 59, 64, 280].

В учебном пособии по истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (1968) еще более четко был выражен исторический контекст становления отношений «феодальной Кабарды» и осетинских обществ. Он связывался с многократными нашествиями монголо-татар, особенно в конце XIV и начале XV в. Кабардинские феодалы заняли покинутую аланами равнину, затруднив горцам-осетинам свободный выход на плоскость. В результате, осетино-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. «развивались не только по линии расширения экономических и культурных связей, но и установления вассальной зависимости части осетинских феодалов от некоторых феодалов Кабарды». Одновременно «начинается новый этап в истории Осетии, этап непрерывной борьбы осетинского народа как со своими феодалами, так и с феодалами соседних государств за свободу и независимость, за право пользования предгорными и степными землями» [История Северо-Осетинской... 1968: 28–29].

В истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (1987) последовательно рассматриваются осетино-кабардинские отношения в XIV–XV, XVI–XVII и XVIII вв. Взаимная заинтересованность в использовании летних горных и зимних равнинных пастбищ лежала в основе осетино-кабардинских отношений. Но это привело к установлению вассальной зависимости части осетинских феодалов от кабардинских князей. Этот вассалитет характеризуется в работе как классовый союз феодальных верхов Кабарды и Северной Осетии, который не был постоянным и зачастую носил чисто номинальный характер, «однако позволял феодалам Кабарды и Северной Осетии усилить эксплуатацию народных масс» [История Северо-Осетинской... 1987: 160]. В период установления русско-осетинских отношений в XVIII в.

осетины вышли из-под влияния Кабарды, однако особой была ситуация в Дигории, которая и в начале XIX в. платила дань кабардинским князьям. Большую зависимость Дигории от кабардинских князей авторы объясняют «более высоким по сравнению с другими осетинскими обществами уровнем развития феодальных отношений: дигорские владельцы для закабаления крестьян нуждались в поддержке кабардинских «верхов» [История Северо-Осетинской... 1987: 160].

Можно видеть, что выполненные в рамках классовой и интернационалистской идеологической парадигмы истории автономных республик несли зародышевые элементы национально-политических интерпретаций прошлого. Применительно к рассматриваемой в данной статье проблеме внимание привлекают мотивы монополизации кабардинскими князьями равнинно-предгорных земель Центрального Кавказа, ранее принадлежавших горским народам или их ближайшим предкам, а также народно-освободительной борьбы против своих и чужих феодалов. Таким образом, изучение интер-социальных взаимодействий в перспективе истории отдельных народов неизбежно несло потенциал «этно-политизации» интерпретаций. Эта возможность нивелировалась в случаях, когда предмет анализа выводится за пределы узко-национальных рамок.

Так, в академической «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (1988), которая обобщила достижения советского исторического кавказоведения, проблематика интер-социальных взаимодействий рассматривалась в более широком и «полиэтничном» пространственном масштабе – в контексте анализа социальных отношений и территориально-политической организации Центрального Кавказа в XVI–XVII вв., а также взаимоотношений «народов Северного Кавказа между собой и с Закавказьем». В социально-политическом плане взаимоотношения обществ и владений региона структурировались экономическими и внеэкономическими феодальными практиками: «Феодалы, используя право сильного, сосредоточив в своих руках большие массивы летних и зимних пастбищ, подвергали эксплуатации крестьян не только своего владения, но и оказывавшееся под их властью население соседних народов. Причем зависимость части чечено-ингушского, карачаевского, балкарского, осетинского и другого населения от феодалов Кабарды и Дагестана была установлена внеэкономическим путем» [История народов... 1988: 284]. С другой стороны, часть сельских обществ нагорной полосы соглашалась нести определенные обязанности перед более сильными феодальными владениями в обмен на покровительство и защиту или доступ к пастбищным землям на равнине [История народов... 1988: 284].

Другим измерением традиционного режима интер-социальных взаимодействий выступала феодальная раздробленность: «Ни у одного из народов, населяющих территорию нагорной зоны Центрального Кавказа, в описываемое время не было объединяющей власти. Осетины, балкарцы и карачаевцы были разделены на мелкие и мельчайшие политические объединения, причем этот процесс дробления имел тенденцию к еще большему углублению» [История народов... 1988: 296]. Будучи верховными правителями

подвластных им территорий многие феодальные владельцы Осетии, Балкарии, Карачая, «Абазинской земли» находились в вассальной зависимости от кабардинских князей [История народов... 1988: 296, 298].

Таким образом, взаимодействие социально-политических субъектов регионального исторического процесса XVI–XVII вв. – феодалов и крестьян, владельцев и обществ рассматривалось в контексте иерархических отношений доминирования и зависимости. Но это видение никак не распространялось на трактовку отношений между собой народов Северного Кавказа. Здесь шла речь о многообразных и тесных связях в «горизонтальной» плоскости равенства, обмена, взаимного обогащения культур, накопления элементов культурной общности. В качестве фундаментального фактора, обусловившего тесные взаимоотношения народов региона авторы рассматриваемого труда указывают на отсутствие между ними «резко очерченных границ», чересполосное проживание, наличие поселений со смешанным населением, а также на экономическую взаимозависимость. Этим предопределялось развитие добрососедства, укрепление дружественных отношений, куначества, возникновение родственных связей между ними. Представители разных народов совместно использовали пастбищные и иные угодья, отдавали своим кунакам на выпас скот, перенимали друг у друга и трудовые навыки ведения хозяйства [История народов... 1988: 301, 302].

В целом, многосторонняя комплексная характеристика интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, закрепившаяся в историографии к концу советской эпохи не позволяет загнать их в категориальную сетку «этнополитики», неоправданно «модернизируя» их традиционные исторические формы.

Однако уже в начале 1970-х гг. был сформирован подход, который имплицитно нес глубокий поворот в интерпретации природы интер-социального взаимодействия в регионе. В кандидатской диссертации, а затем в неопубликованной тогда монографии Е.Дж. Налоевой проблема рассматривалась в контексте вопроса о «государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в.» [Налоева 1973; Налоева 2015]. В разделе монографии, посвященном взаимоотношениям «кабардинских удельных княжеств с соседними народами», говорилось о «кабардинских князьях», как одной стороне этих отношений, но в качестве их «вассалов» зачастую назывались целые «народы», обозначаемые терминами «вассальные народы», «вассально-зависимые народы» [Налоева 2015: 276, 279, 280]. Вывод о том, что в первой половине XVIII в. «удельные княжества Кабарды сложились в типичные феодальные государства с присущими им специфическими особенностями», а «удельные князья были полновластными владельцами в своих уделах» обосновывался не только тем, что каждый из них располагал своей территорией, подвластным населением, с которого взыскивал определенные повинности, своими вассалами, управленческим аппаратом, судом, войском, собственной резиденцией, но и тем, что «удельные князья распространяли свою власть над соседними народами, разделяли их на сферы влияния, держали там своих представителей, собирали с них также дань,

охраняя их в случае опасности, а при надобности призывая к оружию для отражения внешних врагов» [Налоева 2015: 283].

Интерпретация иерархических форм интер-социальных отношений на Центральном Кавказе сквозь призму взаимодействия государственных образований с «догосударственными» социально-территориальными единицами присутствует и в статье В.Б. Виноградова о региональных закономерностях и локальных особенностях генезиса феодализма у населения горных районов Центрального Кавказа [Виноградов 1981]. Для периода IX – первой половины XIII вв. феодальные отношения у обитателей лесистых предгорий региона, предполагает автор, определялись более всего зависимостью от плоскости, принимая вид данничества или иных обязательств, диктуемых особенностями хозяйства и «племенной разобщенностью перед лицом аланской государственности». В XIII–XV вв. внутренняя слабость социально-политической базы обусловила превращение обществ горной полосы Центрального Кавказа в объект «активной политики Кахетии, дагестанских государственных образований, Золотой Орды». Наконец, в XVI в. «значительная часть горского населения Карачая, Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии находилась в вассальной зависимости от кабардинцев, уже переступивших порог создания своей государственности» [Виноградов 1981: 40, 44–45].

Региональная историография постсоветского периода: «методологический национализм» или историзм?

Ситуация государственного «полураспада» 1990-х гг. резко актуализировала потребность различных групп населения Северного Кавказа в национально-политическом самоутверждении, в закреплении за собой территориальных, политико-правовых, экономических и прочих ресурсов, от которых зависят их относительные позиции или даже самосохранение. Такая потребность питалась отсутствием институализированного этнополитического равновесия и остротой стоящих на повестке дня проблем. Она повлияла на состояние региональной историографии двояким образом. Во-первых, общим элементом в подходах различных школ постсоветской региональной историографии стал своего рода «методологический национализм», т.е. интерпретация ключевых явлений прошлого сквозь призму национальной истории и национальных интересов того или другого народа. Дело тут не в «национализме» вообще, как некоей личной или политической позиции историка. Речь идет именно о «методологическом национализме», т.е. о том, что культурно-лингвистические общности, «этноты», «народы» рассматриваются как социально-политические единицы регионального пространства и субъекты взаимных отношений. Во-вторых, именно в контексте «методологического национализма» как общей базы этнорегиональных исторических исследований возникают существенно различные, порой несовместимые концептуализации изучаемого явления. Постсоветская

историография традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе ярко иллюстрирует данное обстоятельство.

В новейших обобщающих трудах по истории отдельных народов и республик Центрального Кавказа можно обнаружить и преемственность по отношению к советской историографии и явную новизну трактовок, связанную с тем, что проблемы интер-социальных взаимодействий рассматриваются в контексте национальной истории того или другого из современных народов региона. В них, как правило, не содержатся общие формулы, однозначно определяющие историческую природу традиционного социально-политического порядка в регионе, но его описание имплицитно несет интерпретацию, противостоящую концепциям безусловного доминирования Кабарды.

В академическом издании «Истории Осетии» (2012 г.) воспроизводится положение о том, что остатки аланов-асов, изолированные в постмонгольский период в горных ущельях Центрального Кавказа, были вынуждены приспособливаться к новым условиям: «Необходимость пользоваться зимними пастбищами на равнине обусловила их зависимость от кабардинских феодалов, особенно в Дигории...» [История Осетии... 2012: 329]. Для XVI–XVII вв. отмечается трудность описания характера взаимоотношений осетинских обществ и кабардинских князей с точным определением статуса сторон в XVI–XVII вв., но делается предположение о приоритете дружеских взаимоотношений [История Осетии... 2012: 349]. Осетино-кабардинские взаимосвязи в XVIII в. не оцениваются однозначно. Подтверждается использование осетинами равнинных пастбищ кабардинских князей, за что, естественно, осетины платили «пошлину». Но данный факт не рассматривается «как показатель политической зависимости» [История Осетии... 2012: 471]. Некоторые источники XVIII в. интерпретируются как свидетельства совместного участия «в феодальных блоках осетинской и кабардинской знати» Переориентация осетинских владельцев с ослаблением князей Малой Кабарды на князей Большой Кабарды рассматривается, как инициатива со стороны осетинских владельцев [История Осетии... 2012: 471–472]. Также отношения между кабардинскими князьями и осетинскими владельцами описываются в категориях сюзеренно-вассальных отношений и ратной дружбы [История Осетии... 2012: 472–473].

В новейшем обобщающем издании по истории Чечни [2008 г.] отмечается, что в XVI–XVII вв. в исторических границах Чечни появляется «инонациональное население», «полукочевые временные поселения кабардинских феодалов» [История Чечни... 2008: 141]. Характеризуя «политический строй» отдельных пограничных чеченских обществ и аулов, авторы издания обращают внимание на то, что последние признавали «порой сюзеренитет глав феодальных образований с пестрым этническим составом, таких как Тарковское шамхальство, Аварское ханство, Эндерейское владение и Малая Кабарда» [История Чечни... 2008: 147]. Подчеркивается взаимный характер соглашений чеченских аулов и кабардинских князей, номинальный и эпизодический характер их зависимости от последних, «так как чеченские аулы

по собственному произволу меняли одних «владельцев» на других или отказывались от них вовсе. Это был типичный институт «призванных князей», известный практически всем горским народам» [История Чечни... 2008: 147].

В коллективной монографии по истории Ингушетии (2013 г.) в качестве отправной точки складывания кабардино-ингушских отношений выделяется XV в., время «проникновения кабардинцев на территории, лежащие восточнее современной Кабарды, т.е. появления их на землях ингушей». Вместе с тем отмечается, что «контроль над этими землями кабардинские феодалы установили и окончательно закрепились на них лишь во второй половине XVI в.» при Темрюке Идарове [История Ингушетии... 2013: 144]. В целом этнополитические процессы на Северном Кавказе в XVI–XVIII вв. описывается в неразрывном единстве с перманентными миграционными процессами, на которые оказывали значительное влияние кабардинцы. Отмечается, что «полукочевой образ жизни и развитые феодальные отношения способствовали сложению высокого уровня этнической мобильности, позволявшего кабардинцам на протяжении нескольких столетий доминировать в регионе». По мнению авторов «перманентное противостояние с «хозяевами плоскости», каковыми начиная со второй половины XVI и до второй половины XVIII в. являлись кабардинцы», явилось важнейшим внешним фактором динамики миграционных процессов ингушей [История Ингушетии... 2013: 188–189].

В 1990-е – 2000-е гг. появился ряд авторских работ, в которых предлагались специально разработанные и явно выраженные концепции исторической природы интер-социальных взаимодействий XVI–XVIII вв. в регионе Центрального Кавказа.

Намеченная в работах Е.Дж. Налоевой и В.Б. Виноградова тенденция в 1990-х гг. была доведена до логического предела в работах В.Х. Кажарова [Кажаров 1992; Кажаров 1994: Боров и др. 1999]. Если Е.Дж. Налоева ставила вопрос о взаимоотношениях удельных княжеств Кабарды с соседними народами, то В.Х. Кажаров сосредоточил внимание на хасе. Хаса или «совет всех удельных князей с их уорками» и Е.Дж. Налоевой рассматривался как институт «общекабардинской публичной власти» [Налоева 2015: 284]. В трактовке В.Х. Кажарова она представляла собой не просто княжеский совет, а сословно-представительное собрание – высший законодательный и распорядительный орган. Однако его функционирование не воплощало объединительной тенденции: «Напротив, дух «феодального индивидуализма» был весьма развит в Кабарде и, по существу сделал невозможным ее объединение в одно прочное централизованное государство» [Кажаров 1994: 228, 255]. Государственно-политический строй Кабарды в XVI–XVIII вв. он определял как «сословно-представительную монархию в форме федеративной княжеской республики» [Кажаров 1994: 267]. Сторонами или субъектами интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе у В.Х. Кажарова выступают «кабардинские князья» и соседние «подвассальные народности», а хаса в ряде случаев функционирует как институт в рамках которого осуществлялось регулирование их отношений. Некоторые сообщения источников начала 1770-х гг. свидетельствуют, по его мнению, что до этого

времени сохранялась «традиция созыва «полных» собраний князей и дворян для рассмотрения тех или иных аспектов взаимоотношений с подвассальными народностями». При этом «старшины подвассальных народностей на таких собраниях обладали в лучшем случае правом совещательного голоса», в основном их собирали для объявления уже принятых решений [Кажаров 1994: 268].

В коллективной монографии, изданной в 1999 г. В.Х. Кажаров сформулировал положение о том, что Кабарда XVI–XVIII вв. по своему государственному устройству представляла собой «малую феодальную империю». Согласно его рассуждению, нашествия татаро-монголов и Тимура привели к изменению не только этнической карты, но и политической доминанты в Центральном Предкавказье, где устанавливается политическое господство кабардинцев: «Отныне и до начала XIX в. – вплоть до утраты ими своей политической самостоятельности – горские племена и народности данного субрегиона (абазины, карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши и западные чеченцы) входят в состав одной политической общности под названием “Кабарда”» [Боров и др. 1999: 9–10]. При оценке политической системы Кабарды XVI–XVIII вв. он призывал абстрагироваться от обыденных ассоциаций и привычных пространственно-географических параметров и «обращать внимание только на существенные признаки». Если исходить из них, то «Кабарда по своему государственному устройству являлась малой феодальной империей, объединявшей различные этносоциальные и политические организмы под властью одного княжеского дома Иналовичей. Она представляла собой конгломерат, который состоял из главенствующего центрального государства и присоединенных (или завоеванных) народов, не имевших или утративших свою государственность, но располагавших определенными формами политического самоуправления» [Боров и др. 1999: 10]. При этом В.Х. Кажаров отмечал, что «имперская» по отношению к окраинам власть «внутри кабардинского этнического социума» характеризовалась «полицентризмом», что в Кабарде XVI–XVIII вв. «существовала феодальная раздробленность» [Боров и др. 1999: 11]. Но в этом случае реальным центром «феодальной империи» оказываются не столько государственные институты, сколько «кабардинский этнический социум». В.Х. Кажаров не усматривал в этом противоречия и проблемы. В работе о территории феодальной Кабарды он обращал внимание на то, что «Кабарда» как территориально-политическое образование не тождественна этнической территории кабардинцев, т.е. территории, на которой располагаются в данный момент их поселения с близлежащими земельными угодьями. Таким образом, констатировал В.Х. Кажаров, Кабарда – это «полиэтническое государственное образование, а не только этническая территория кабардинцев» [Кажаров 2014: 572–573].

Описанная концепция могла быть сформулирована только в контексте сведения исторических реалий интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе к сугубо политическим отношениям, субъектами которых выступают этносы. На первый план неизбежно выступало этническое

измерение заложенных в понятие империи отношений господства и подчинения. Такая операция подразумевала концептуальный разрыв с предшествующей (дореволюционной и советской) академической традицией.

В региональной историографии получили развитие трактовки традиционной системы интер-социальных взаимодействий близкие, но альтернативные концепции В.Х. Кажарова или предлагающие критический «ответ» на нее, как в имплицитной, так и в явно выраженной форме.

В ряде работ с конца 1990-х работ традиционный порядок взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа З.А. Кожев рассматривал сквозь призму сюзеренно-вассальных отношений, как базовой формы институализации иерархических социальных связей в феодальных обществах. Согласно его концепции господствующие классы Кабарды и других княжеских владений Черкесии, связанные сеньориально-вассальными отношениями, составляли мощную и достаточно консолидированную силу, дееспособность и военный профессионализм которой позволял ей претендовать на политическую власть не только в пределах собственно черкесских феодальных владений, но и в соседних областях Северного Кавказа. Реальным проявлением этой власти были сеньориально-вассальные отношения, которые черкесская аристократия на протяжении столетий последовательно пыталась навязать своим более слабым соседям [Кожев 2016: 75–76].

Поскольку материальным выражением вассальной зависимости от кабардинских князей даже крупных самостоятельных дворян-вотчинников была феодальная рента, получаемая с населения всех земель подвластных княжеской фамилии, постольку требование уплаты «дани» с соседних народов З.А. Кожев считает «попыткой включения последних в сферу действия обычно-правовых норм, на основе которых строилось кабардинское феодальное общество» [Кожев 2016: 78–79].

Вместе с тем он в полной мере учитывает реалии социальной и политической жизни народов Северного Кавказа, значительно усложнявшие характер сеньориально-вассальных отношений между их субъектами.

Во-первых, речь идет о том, что феодальные владения Кабарды не составляли единого государственного организма [Кожев 2016: 79–80]. Во-вторых, минимальным необходимым условием для установления прочных сеньориально-вассальных отношений, отмечает З.А. Кожев, было наличие в том или ином горском обществе феодального сословия способного, в силу своего социального статуса, взять на себя (не всегда добровольно) определенные вассальные обязательства по отношению к черкесским владетелям. Но далеко не у всех народов Северного Кавказа, которым в разное время довелось испытать на себе военно-политическое давление Кабарды, феодальные институты были достаточно развитыми для того, чтобы вхождение в систему черкесского феодализма воспринималось ими безболезненно [Кожев 2016: 82–83]. Таким образом, социальное содержание взаимоотношений владельцев Большой Кабарды с горцами Осетии (особенно куртатинцами, алагирцами) и вайнахскими субэтносными (ингушами, карабулаками) во многом не соответствовало сеньориально-вассальным, приобретая более простые

формы даннической эксплуатации [Кожев 2016: 92].

Что касается высших сословий таких северокавказских народностей, как абазины-тапанта, дигорские и тагаурские осетины, карачаевцы и балкарцы, то они, по оценке автора, непосредственно входили «через сеньориально-вассальные отношения в общую структуру кабардинского феодального общества». Но их место в этом обществе оказывалось амбивалентным. С одной стороны «иноэтничные» вассалы кабардинских князей, приравнивались в своем статусе с первостепенными кабардинскими дворянами, «сохраняли все права и привилегии в управлении собственными подвластными в границах своих владений». С другой, З.А. Кожев принимает тезис В.Х. Кажарова о том, что представители социальных верхов «подвассальных народностей» не могли участвовать на равных правах с кабардинскими тлекотлешами и джигунго в сословно-представительных собраниях, а «приглашались на эти собрания лишь для объявления им уже принятых решений» [Кожев 2005: 118, 124, 130].

В статье 2005 г. З.А. Кожев усматривал в этом обстоятельстве не только выражение относительной слабости интеграционных функций кабардинских сословно-представительных собраний, но и «следствие значительной их [горских владельцев – А.Б., Е.М., Ю.А.] самостоятельности, автономности от Кабарды». В монографии 2016 г. тезис о значительной самостоятельности горских владельцев был им снят. Вместе с тем сохранилось положение о том, что горцы Северного Кавказа не могли не тяготиться зависимостью от черкесских князей и последним зачастую приходилось силой вновь и вновь утверждать свои притязания на сюзеренную власть констатирует он [Кожев 2005: 130; Кожев 2016: 84].

Очевидна близость, своего рода параллелизм концепций интеграции «подвассальных» народов Центрального Кавказа либо в состав кабардинской «феодальной империи», либо в сеньориально-вассальную иерархию «кабардинского феодального общества». Вторая имеет более широкую источниковую и эмпирическую базу и стоит ближе к социальной реальности XVI–XVIII вв., прежде всего, в той ее части, которая выражает феодальные притязания кабардинского княжеского сословия.

Положения, концептуально противостоят представлениям о существовании на Центральном Кавказе кабардинской «феодальной империи» и об интеграции высших сословий ряда северокавказских народностей «через сеньориально-вассальные отношения в общую структуру кабардинского феодального общества» были сформулированы в работах М.С. Баразбиева, Р.Т. Хатуева, Р.С. Тебуева, И.С. Кипкеева, Р.М. Бегеулова [Баразбиев 2000; Хатуев 1999; Тебуев, Хатуев 2002; Кипкеев 2005; Бегеулов 2009].

М.И. Баразбиев рассматривает проблему в контексте хозяйственных связей балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа. Исходным фактором здесь выступала потребность балкаро-карачаевцев в привозном хлебе и в сезонных пастбищных угодьях, приводившая к необходимости в весенне-осенний период арендовать пастбища у соседних народов Кавказа. Кабардинские князья, контролировавшие равнинные пастбищные угодья, старались подчинить балкаро-карачаевцев своему политическому влиянию и превратить плату за

аренду пастбищных земель в ежегодную обязательную дань [Баразбиев 2000: 20]. На основании некоторых свидетельств XVIII – начала XIX в., автор с уверенностью констатирует, что «кабардинские князья все-таки не сумели превратить арендные взаимоотношения с балкаро-карачаевцами в отношения даннические», хотя «нельзя полностью отрицать сведения о имевших место элементах политической зависимости балкаро-карачаевцев от кабардинских князей» [Баразбиев 2000: 21]. М.И. Баразбиев акцентирует две фундаментальные и константные характеристики взаимоотношений балкаро-карачаевцев и кабардинцев. Во-первых, в их основе лежало не столько «право сильнейших», сколько хозяйственные причины, связанные с различием природно-климатических условий гор и степей. Во-вторых, они имели характер взаимовыгодного соглашения, крайне необходимого для балкарцев и карачаевцев и позволявшего кабардинским князьям извлекать политические и экономические выгоды [Баразбиев 2000: 21–22].

В работе 1999 г. Р.Т. Хатуев указывал среди причин, обусловивших «расширение кабардинского влияния на общества Нагорной полосы (Осетия, Балкария, Карачай, отчасти Ингушетия и Чечня)» на отгонно-скотоводческий характер экономики горских обществ и их потребность в обеспечении «безопасности путем обретения военно-политического покровительства со стороны самых могущественных в тот период на Центральном Кавказе феодалов, каковыми и были определенное время князья Кабарды» [Хатуев 1999: 84–85]. Но каждое из горских обществ, «входивших в союз с Кабардой» сохраняло территориальную обособленность от нее, самостоятельное внутреннее управление, самостоятельную внешнюю политику, возможность добровольно выйти из союза. В конечном счете, Р.Т. Хатуев полагает правомерным описывать характер взаимосвязей горских обществ и Кабарды как «конфедерацию» [Хатуев 1999: 85–86].

Этот подход получил развитие в совместной работе Р.С. Тебуева и Р.Т. Хатуева, опубликованной в 2002 г. Сущность взаимоотношений «между горскими обществами Карачая и Балкарии (и не только их), с одной стороны, и кабардинскими феодалами, с другой» определяется в ней понятием «горско-кабардинская конфедерация» [Тебуев, Хатуев 2002: 94]. Авторы подчеркивают, что в «добрососедстве нуждались обе стороны – и горские общества и кабардинские феодалы». Для кабардинцев горские общества являлись своеобразным тылом, укрытием в случае сторонней агрессии со стороны крымских, ногайских и тарковских феодалов. Горцы, в свою очередь, были заинтересованы в существовании надежного «буфера» между ними и все теми же внешними силами. Также горские общества были заинтересованы в зимних пастбищах на кабардинской плоскости [Тебуев, Хатуев 2002: 97, 98].

Развернутое представление концепция конфедеративной природы взаимоотношений владений и обществ Центрального Кавказа получила в монографии Р.М. Бегеулова [Бегеулов 2009]. Он исходит из того, что на территории Центрального Кавказа в XVII – начале XIX в. сложились политические связи между различными обществами, которые не всегда носили равноправный характер. Наиболее сильными и влиятельными на Центральном

Кавказе были территориально-политические образования кабардинцев. Их военный и экономический потенциал был выше, чем у высокогорных обществ. Скотоводческое хозяйство горцев нуждалось в предгорных и равнинных пастбищах, а они находились под контролем кабардинских феодалов. Безусловные экономические преимущества провоцировали кабардинскую социальную верхушку на усиление политического нажима на горские общества, на активное вмешательство в их внутренние дела, с целью подчинения их своей власти [Бегеулов 2009: 13, 14, 15].

Вслед за Р.Т. Хатуевым Р.М. Бегеулов перечисляет все признаки независимости горских обществ и приводит ряд аргументов против попыток концептуализации «взаимоотношений феодалов Кабарды с другими соседними этнополитическими объединениями Центрального Кавказа» по схеме «сюзерен-вассал» и считает «более уместным и корректным назвать систему взаимоотношений этнополитических объединений Центрального Кавказа – конфедерацией». Причем аналогия проводилась со структурой Швейцарской конфедерации – с кантонами условно сравнивались кабардинские феодальные уделы, а с союзными землями – горские и большая часть абазинских обществ [Бегеулов 2009: 17, 26, 27, 28].

Интересным представляется «функциональный аргумент» в пользу рассмотрения сложной системы межэтнических и общественно-политических взаимоотношений, сформировавшейся на Центральном Кавказе в XVII – первой четверти XIX в. через призму конфедерации: оно позволяет гораздо легче и точнее объяснить тот факт, что «долгое время система взаимоотношений, сложившаяся на Центральном Кавказе устраивала всех, все этнополитические группы региона», а также то, почему «в период завоевания Кавказа российским властям так долго не удавалось разрушить союз кабардинцев с их соседями, создать «антикабардинские» настроения в регионе?» [Бегеулов 2009: 28, 29].

В диссертации о правовой культуре этнополитических отношений на Северо-Западном Кавказе XVI–XIX вв. И.С. Кипкеев выступает против «узкоэтнического» подхода, заключающегося в изучении «правовых систем, действовавших во внутренней жизни народов», без учета влияния «правовых систем соседних народов как результата международных отношений» [Кипкеев 2005: 5]. Предметом его исследования являются «основные компоненты исторически сложившейся системы международных правоотношений» в ареале Северо-Западного Кавказа [Кипкеев 2005: 8]. В качестве одной из форм «этнополитических союзов» в регионе наряду с сюзеренно-вассальными связями и военно-политическими союзами он рассматривает «отношения протектората», как имевшие место в регионе на протяжении длительного периода. В роли протекторов выступали Ногайская орда, Крымское ханство, Тарковское шамхальство, Кабарда. «Протекторальные отношения» автор определяет как форму «военно-политического покровительства одного этнополитического объединения над другим, не предусматривавшей включения территории народа-протее в состав подвластных протектору земель», причем такие отношения могли быть «договорными». «Кабардинский протекторат»

И.С. Кипкеев характеризует на материалах отношений кабардинских князей с горскими обществами Балкарии и Карачая [Кипкеев 2005: 24–28]. Содержательно они соответствуют тому, что другие авторы описывают как «сюзеренно-вассальные» отношения. Но для их описания автор использует такие категории как «международные отношения», «международные съезды представителей правящих элит», «международные связи» или «правоотношения между народами» региона.

Можно видеть, что каждый из вариантов обобщенной концептуализации интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе XVI–XVIII вв., претендующий на строгость и завершенность, содержит больше того, о чем свидетельствуют источники и как бы выводит интерпретацию проблемы за пределы эпохи и региона, к которому она принадлежит. В этом смысле они методологически выходят за рамки принципов историзма. Однако нет необходимости проводить жесткую грань между ними и источником-ориентированными исследованиями, направленными на конкретно-историческую реконструкцию содержания, форм и эволюции интер-социальных взаимодействий в регионе в XVI–XVIII вв. Так, в своем исследовании историко-культурного развития Балкарии в XV – начале XIX вв. В.М. Батчаев поддерживает концепцию о том, что горскую и кабардинскую знать связывали сеньориально-вассальные связи, а институт вассалитета «означал инкорпорацию горской знати в феодальную иерархию Кабарды», что было обусловлено стадийной «совместимостью» двух систем [Батчаев 2006: 78]. В целом, автор соглашается с тем, что «различные «общества» Осетии, Ингушетии, Балкарии и др. все же находились в большей или меньшей зависимости от феодалов Кабарды» [Батчаев 2006: 115].

Однако подчеркивается взаимовыгодность связей, первичность «классового союза» горской и кабардинской знати: «Скажем, для отдельных балкарских таубиев или осетинских алдаров кабардинский князь был порой не только сюзереном, но и гарантом незыблемости их классового господства над «своими» общинниками; первое тяготило, второе же отвечало их коренным интересам. Чаша весов колебалась в соответствии с давлением извне и темпами стабилизации социальной структуры обществ» [Батчаев 2006: 143]. Таким образом, В.М. Батчаев солидаризируется с авторами, объясняющими «классовой солидарностью кабардино-горской знати ... стабильность социально-политической ситуации в горах на протяжении всего позднего средневековья» [Батчаев 2006: 84]. Однако нет оснований преувеличивать ее уровень и прочность. В.М. Батчаев обращает внимание на свидетельства источников о конфликтах между горской и кабардинской знатью, видя в них не характеристику межэтнических отношений, но «причины социального свойства – стремление того или иного феодала расширить владения и круг своих подданных, множить свои богатства за счет дани, грабежей и т.д.» [Батчаев 2006: 106]. Не только знать кабардинская, но и знать горских обществ, на которые претендовали кабардинские князья, отличались определенным уровнем военизованности. В.М. Батчаев описывает ситуации успешной организации балкарскими обществами сопротивления притязаниям

кабардинских князей, указывает на факты «отлагательства» соседей от кабардинских князей, и нужду последних в посторонней помощи для восстановления статус-кво [Батчаев 2006: 107–116]. В целом, «экспансионизм политически доминировавших групп» постоянно подвергал солидарность кабардинских и горских верхов испытанию на прочность, в то время как «блокада ущелий и дефицит экологической базы скотоводческого хозяйства объективно способствовали солидаризации горских феодалов с подданными и осознанию этой проблемы как общеэтнической» [Батчаев 2006: 186]. К концу XVIII столетия «нарастающая агрессивность соседей предопределила политический выбор горских феодалов и возобладание в горах наметившихся ранее пророссийских настроений» [Батчаев 2006: 143]. Логика развития событий и процессов неизбежно актуализировала сближение балкарских обществ с Россией в обход Кабарды и без учета мнения кабардинских князей [Батчаев 2006: 186].

Работа В.М. Батчаева демонстрирует, что каждый элемент традиционной структуры интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе имеет как «одну», так и «другую» стороны. Не случайно, исследователи относят вопрос о характере отношений балкарских обществ с кабардинскими князьями к числу наиболее сложных и дискуссионных проблем политической истории Балкарии XVIII в. В последние десятилетия рассмотрение балкарских обществ в системе политических связей северокавказского региона привело исследователей к формулированию различных, порой взаимоисключающих, выводов. При этом обсуждение соответствующих проблем в историографии ведется практически на одной и той же источниковой базе и в значительной степени опирается на интерпретацию одних и тех же событий середины XVIII в. [Муратова 2007: 141, 142].

Эта сложность и неоднозначность взаимоотношений горских обществ с окружающей этносоциальной средой требует, в первую очередь, внимательного прочтения свидетельств всего доступного круга источников. Прodelав такую работу в своем исследовании социально-политической истории Балкарии XVII – начала XX в., Е.Г. Муратова приходит к принципиально важному заключению, что взаимоотношения традиционного балкарского общества с соседними кабардинскими владениями не поддаются однозначной характеристике [Муратова 2007: 145]. Здесь констатируется не ограниченность наших знаний, а сложность и неоднозначность изучаемого явления. Именно стремление дать однозначную характеристику неоднозначному феномену порождает конфликт интерпретаций и поляризацию общественных позиций историков. Не вступая в полемику с авторами, постулирующими категориальные дефиниции для традиционного порядка интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, Е.Г. Муратова показывает, что историческая реальность не укладывается в их жесткие рамки. Напротив, предлагаемые историками обобщения должны быть вписаны в культурно-исторический контекст исследуемой эпохи. С этой точки зрения привлекает внимание еще один момент авторской интерпретации. Хотя имела место асимметрия во взаимоотношениях и «горские территории, безусловно,

находились в орбите политического влияния Кабарды», эти взаимоотношения подчинялись строго фиксированному обычаю правил, которые признавались всеми этнополитическими образованиями, нарушать которые не могла ни одна из сторон. Проницаемость социокультурных границ, наличие элементов единой соционормативной инфраструктуры, таких как гостеприимство, аталычество, покровительство, куначество, проводничество и т. п. формировало «особый социально-правовой континуум, обеспечивающий взаимодействие различных традиционных обществ» [Муратова 2007: 148, 151].

Обобщенная характеристика природы этих отношений в рассматриваемой работе заключается не в подведении их под какую-нибудь историко-политологическую или историко-социологическую категорию – «феодальной империи», сюзеренно-вассальных отношений, протектората или конфедерации, а в прослеживании исторического развертывания явления от его становления до изживания. В XVII–XVIII вв. в регионе сложился баланс сил феодализованных этнополитических образований, который обеспечивал преобладание Кабарды на Центральном Кавказе и обусловил определенную степень и специфические формы зависимости от нее соседних горских обществ, в том числе балкарских. Такой вариант коллективных отношений зависимости во многом происходил из-за неравномерного распределения производственных угодий на равнине и в горах. При отгонной системе животноводства горные общества были вынуждены вносить собственникам земли натуральную плату за зимние пастбища на плоскости. Этот порядок стал меняться в конце XVIII в. в связи с усилением военно-политического присутствия России на Северном Кавказе, разрушившим этнополитическое равновесие [Муратова 2007: 151].

Актуальные проблемы концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе

Рассмотренный выше материал свидетельствует, что характерной чертой современной историографии проблемы является стремление «схватить» историческую природу традиционного интер-социального порядка на Центральном Кавказе с опорой на то или иное ключевое понятие, историко-социологический или историко-политологический концепт – «феодальная империя», «сюзеренитет-вассалитет», «протекторат», «конфедерация», «арендные отношения». Каждое из них находит то или иное подкрепление в исторической реальности XVI–XVIII вв. Но как представляется, одновременно схематизирует и модернизирует ее.

Знакомство с некоторыми положениями современных концепций империи – о «ядре» и «периферии» как основных элементах имперской структуры, о «ранних империях» с низкой степенью интегрированности подсистем, не всегда объединенных единой административной системой, о «даннических» империях в отличие от «завоевательных» – дает общее представление об основаниях, позволяющих говорить о Кабарде как о «малой феодальной империи» [Thapar 1981; Алаев 2000; Крадин 2006]. Этот подход опирается на типологическое сходство в неких предельно общих моментах,

позволяющие проводить аналогии между моделью взаимодействия Кабарды с соседними этническими социумами и, по меньшей мере, моделью «ранней империи». Тем не менее, если даже намеренно исключить оценочный характер значения слова «империя» и оставить в стороне тот резонанс, который вызвал этот тезис в актуальной общественно-политической ситуации в КБР, то все равно остаются вопросы к его концептуальному содержанию.

Во-первых, они связаны с характеристикой структуры имперского государства. Выход на предельный для данного случая социопропространственный уровень анализа «государственно-политического строя» (удел – Большая Кабарда – вся Кабарда – Центральный Кавказ?) заостряет вопрос о соотношении центра и периферии в системе властных отношений. Если говорить о феодальных (средневековых) империях, то их конституирующим признаком является сюзеренитет одного верховного носителя власти, «короны». В нашем случае обнаруживается, что «главенствующее центральное государство» характеризуется «определенным полицентризмом внутри кабардинского этнического социума». Это крайне затрудняет описание обсуждаемой «империи» в качестве централизованной государственной структуры. Реальным ее центром оказываются не столько государственные институты, сколько «кабардинский этнический социум».

Во-вторых, в таком контексте на первый план неизбежно выступает этническое измерение заложенных в понятие империи отношений господства и подчинения. Но феодальная власть вообще и феодальные отношения «надэтничны» по определению. С другой стороны, различные «этносоциальные и политические организмы» Центрального Кавказа, объединенные «под властью одного княжеского дома Иналовичей», нельзя отождествлять с «народами» ни в культурно-лингвистическом (этнографическом), ни в гражданско-политическом смысле этого слова. В ином случае пришлось бы типологически сближать «государственное устройство Кабарды» со структурой либо кочевых империй (когда этнический социум, в котором далеко не завершены процессы социальной стратификации, сам выступает как господствующий «класс-этнос» по отношению к подчиняемым обществам), либо колониальных империй (когда сложившееся национальное государство присоединяет, или подчиняет себе прилежащие или заморские территории с иноэтничным населением). Факторы, затрудняющие и ту, и другую интерпретацию, достаточно очевидны и не нуждаются в подробном обсуждении.

Если теория «малой феодальной империи» на Центральном Кавказе дает «сильную» версию природы иерархических социально-политических связей в регионе, то их интерпретацию в терминах «сюзеренитета-вассалитета» можно расценить как «слабую», но более реалистичную версию. Она опирается на прямые свидетельства источников, на глубокую историографическую традицию описания интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе в терминах сюзеренитета-вассалитета, а также отражает их типологическое сходство с классической моделью вассалитета.

Сюзеренно-вассальные связи в их классической форме носили исключительно добровольный характер. Элемент принуждения был несовместим с престижным обозначением «вассал». Сеньор гарантировал вассалу безопасность, покровительство, уважение. Вассал же должен был оказывать помощь сеньору оружием, советом и, со временем, материальными подношениями. Основанием установления вассальных связей могли быть как феодал, так и определенные вознаграждения, не связанные с землей. Подобно этому связи кабардинских князей и представителей привилегированных сословий горских обществ носили большей частью добровольный характер, основанный на принципе взаимности: с одной стороны, защита и покровительство кабардинских князей, с другой – «поземельная плата» и время от времени – участие в военных акциях, осуществляемых кабардинскими князьями; последние предоставляли земельные угодья в своих владениях для сезонного использования горскими обществами, а подарки-подношения кабардинским князьям, не связанные с землепользованием, становились со временем обязательными «по обычаю».

Вместе с тем связи между кабардинскими князьями и представителями горских обществ в ряде случаев носили непостоянный, неустойчивый характер; у «вассалов-соседей» кабардинских князей оставалась возможность отказать в военной помощи им; «вассалитет» плохо увязывается с тем обстоятельством, что ему не предшествовала инвеститура – верхи горских обществ не были «посажены» на землю кабардинскими князьями, горские этнические группы жили на своих исконных землях; только часть сельскохозяйственных работ осуществлялась горцами на землях кабардинских князей, причем часто они обеспечивали защиту своих «кошей» собственными силами.

Главное в том, что неочевидна применимость понятия «вассалитет», подразумевающего в строгом смысле личную связь и службу одного феодала другому (вассала сюзерену), к случаям зависимости от кабардинских князей тех или иных феодализованных этносоциальных единиц (горских обществ). Здесь возникает опасность либо «этнизации социально-политического», либо «политизации этнического».

Автор рассматриваемой концепции, казалось бы, расширяет «круг субъектов межэтнического взаимодействия», упоминая помимо собственно этносов «субэтносы», «этносоциальные единицы», «феодалы владения», «общества». Связи между ними в общем виде обозначаются как «этносоциальные отношения», но «система этносоциальных отношений» изучается «как фактор синергии в рамках Черкесии» [Кожев 2016: 12]. Поскольку социально-политическая дробность пространства, заключенного в «рамки Черкесии» неоспорима, то его единство (целостность) задается здесь только этнической маркировкой. Таким образом, иерархические сюзеренно-вассальные связи приобретают этническую «оболочку».

«Политизация этнического», т.е. представление этнических (этнотерриториальных и этносоциальных) единиц в качестве политических субъектов характерна для концепций, интерпретирующих интер-социальные

взаимодействия в регионе с использованием понятий конфедерации и протектората.

Сторонники концепции «горско-кабардинской конфедерации» справедливо указывают на «фактическую и терминологическую» некорректность утверждений о «вассально-зависимых» от Кабарды народах. Однако их аргумент о том, что «отношения сюзерен-вассал могут иметь место между иерархически организованными субъектами, составляющими с формально-правовой точки зрения единое государственно-территориальное образование» не отвечает многообразию реальности существования сюзеренно-вассальных связей в средневековую эпоху, к которой вообще мало применима «государственно-территориальная» терминология. Между тем, здесь создается впечатление, что на Центральном Кавказе существовала совокупность «государственно-территориальных образований», внутри которых могла иметь место вассальная иерархия, но взаимные отношения которых строились на иных началах. Это не утверждается прямо. Однако такие характеристики горских обществ, «входивших в союз с Кабардой», как территориальная обособленность, самостоятельное внутреннее управление, самостоятельная внешняя политика, возможность добровольно выйти из союза вполне применимы к описанию самостоятельного государства [Хатуев 1999: 85–86]. При таком видении социально-политического ландшафта Центрального Кавказа логично предложение обозначить традиционный порядок интерсоциальных взаимоотношений в регионе как конфедерацию. В современном употреблении словом «конфедерация» обозначается форма государственного устройства, при которой образующие союз государства сохраняют свою независимость, имеют собственные органы власти и управления, а для координации действий в определенных областях создаются специальные объединенные органы [Конфедерация... 2010: 161]. Иными словами, конфедерация – союз государств. Применять это понятие к традиционному порядку взаимоотношений социально-территориальных единиц, остающихся в общем и целом на догосударственной стадии развития, следовало бы с очень большими оговорками и уточнениями, чего сторонники этой концепции не сделали.

Кроме того, невозможно выстроить теорию о характере структуры «конфедерации» без учета самоопределения и самоощущения участников конфедеративного союза. Подобные вопросы возникают, когда идет речь о включенности в конфедерацию соседних с Кабардой горских обществ. Образование Швейцарской конфедерации (1291 г.) было результатом осознанного политического акта, оформленного письменным договором. Постепенно этот союз расширялся за счет присоединения как равноправных членов (кантоны), так и неравноправных (союзные земли). В любом случае это был процесс консолидации и члены конфедерации понимали, что они становятся частью союзного политического образования. В рассматриваемой концепции Кабарда выглядит центром горско-кабардинской конфедерации (уделы Кабарды – кантоны, горские общества – союзные земли). Но основная тенденция ее собственного политического развития вела не к консолидации, а к

углублению феодальной раздробленности (самостоятельность уделов, разделение на Большую и Малую Кабарду, феодальные войны, раскол Большой Кабарды на «партии»). Можно ли сказать, что вступая в те или иные отношения с удельными князьями либо Большой, либо Малой Кабарды горские владельцы и общества осознавали это как присоединение к некоему политическому целому? Представляется, что на данный вопрос трудно дать положительный ответ. И здесь недостаточно просто уподобить феодальные уделы Кабарды с кантонами, а горские общества с союзными землями, чтобы обозначить их отношения как конфедерацию.

Предложенное в качестве одного из средств концептуализации интер-социальных взаимодействий в регионе понятие «протекторат» также с неизбежностью несет коннотацию формы межгосударственных отношений. Автор не приписывает ему такое значение в явном виде. Он оговаривает, что использует слово «международный» в его прямом и изначальном значении – как производный от словосочетания «между народами» [Кипкеев 2005: 5]. Но используемые им категории «международные отношения», «международные съезды представителей правящих элит», «международные связи» или «правоотношения между народами» региона так или иначе представляют этнические общности в качестве квази-государственных субъектов. Происходит контаминация политико-правовых и этнических терминов. Тем самым не столько преодолевается «узкоэтнический» подход, сколько происходит еще более масштабная «этнизация» видения предмета исследования.

Казалось бы, уйти от нее позволяет рассмотрение проблемы интер-социальных взаимодействий в контексте хозяйственных связей кабардинских владений и горских обществ. Их взаимовыгодный характер не подлежит сомнению, так же как стремление кабардинских князей превратить их в отношения зависимости горских обществ. Вопрос заключается в том, возможно ли однозначное определение их природы в социально-политических (вассально-даннические отношения) или экономических (арендные отношения) терминах. О первом варианте решения проблемы достаточно говорилось выше. Второй же вариант (арендные отношения), возможно, применим к XIX в., когда феодальные притязания кабардинских князей по отношению к соседям были пресечены. Однако для Центрального Кавказа XVII–XVIII вв. однозначно экономическая трактовка интер-социальных взаимодействий выглядит упрощением и несет элемент неоправданной модернизации явления. Аренда и арендные платежи как сугубо экономические отношения возникают в условиях становления аграрного капитализма. Предполагать, что кабардинский князь XVII–XVIII вв. выступал в качестве землевладельца-арендодателя значило бы отождествлять его с английским лендлордом той же эпохи.

Заключение

Таким образом, построение обобщенной концепции традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе

представляет собой сложную проблему, затрагивающую фундаментальные вопросы изучения региональной истории.

Первый из них – это вопрос о применимости категорий, выработанных в других социальных науках или на историческом материале других эпох и регионов к северокавказской реальности XVI–XVIII вв. Рассмотренный выше историографический опыт показывает, что каждая из предложенных обобщающих категорий коррелирует с какими-то свойствами или состояниями системы интер-социальных взаимодействий, но абстрагируется от иных ее характеристик. Отдельные элементы и взаимосвязи отождествляются со структурой системы в целом. Интер-социальные взаимодействия, которые развертываются, демонстрируя многообразие как в пространстве, так и во времени, получают статичное, исключительно пространственное представление. Существенно больший потенциал обобщения несет опирающийся на источники данные исторический нарратив, реконструирующий ход событий, учитывающий все факты, охватывающий весь исторический период функционирования традиционной системы интер-социальных взаимодействий. В нем могут найти свое место явления, послужившие основанием для выдвижения каждой из рассмотренных выше концепций, в их полноте и реальной взаимосвязи. Обобщением становится история, т.е. описание бытия или движения региона во времени.

Второй вопрос связан с необходимостью дифференцировать этническую и социально-политическую номенклатуру в представлении Северо-Западного и Центрального Кавказа как пространства интер-социальных взаимодействий. Советская академическая традиция четко разводила их социально-классовое и этнокультурное содержание. Классовая трактовка явлений доминирования, конфликтов, эксплуатации, фиксируемых в прошлом, как бы и оставляла их в прошлом вместе с их носителями – эксплуататорскими классами. Современная историография в явной или неявной форме помещает социальные взаимодействия владельцев и обществ региона в «межэтнический» и/или «этнополитический» контекст. Это обстоятельство имеет двойные последствия. Во-первых, исторические концепции в известной степени отрываются от источниковых данных XVI–XVIII вв., в которых субъектами интер-социальных взаимодействий никогда не выступают этнические общности – «народы». Во-вторых, «этно-центрированный» подход к проблеме несет высокую вероятность «переложения» на исторический материал современных этнополитических коллизий и попыток подведения «исторической базы» под актуальные притязания этнических активистов. Это обусловлено не только субъективными, но и глубинными, в известном смысле, объективными факторами. Этническая идентичность поддерживается, в том числе, представлением об универсальной преемственности нынешних поколений этноса по отношению к прошлым поколениям. Соответственно, этническая трактовка интер-социальных взаимодействий стирает грань между собственно академическим и психоэмоциональным либо политически мотивированным подходом к ним.

Конструктивный ответ на вопрос о возможности обобщенной интерпретации исторического опыта интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе, как представляется, возможен на основе соединения обрисованного выше «нарративного», описательного подхода с «надэтническим» представлением региона как пространства, имеющего сложный природный и социальный ландшафт. Если пытаться найти одно понятие, способное выразить наиболее общую характеристику состояния этого пространства на протяжении XVI–XVIII вв., то таким понятием может быть «порядок». Участники взаимных отношений в регионе могли стремиться, в тех или иных обстоятельствах, к смещению баланса интересов в свою пользу, но подрыв хозяйственных, социальных и политических основ жизнедеятельности соседей не входил в круг устремлений кого-либо из них, если даже у него было достаточно сил для этого. Наиболее устойчивой общей функцией традиционной системы интер-социальных взаимодействий выступает поддержание порядка, понятного всем их участникам и обеспечивавшего воспроизводство каждой этносоциальной единицы, занимающей собственную природно-экологическую нишу. Фактически, рассмотренные выше концепции, которые иногда логически несовместимы, выступают как представление (иногда гиперболизированное) того или иного аспекта этого порядка. Преимущество общего и менее строгого концепта «порядок» состоит в том, что он «вмещает» в себя и многообразие форм интер-социальных взаимодействий в пространстве региона и их эволюцию во времени под воздействием преимущественно внешних факторов. Единственным дополнительным определением к нему может быть слово «традиционный», чтобы отличить его от пришедшего ему на смену в XIX в. нового порядка – административно-территориальной организации региона в рамках имперской системы управления. Определение «традиционный» коррелирует, во-первых, с постепенным «естественно-историческим» процессом складывания регионального интер-социального порядка и, во-вторых, с его оформлением в виде социально-правовых обычаев и норм.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.
- Алаев 2000 – *Алаев Л.Б.* Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. – 2000. – № 4–5. – С. 148–156.
- Алиев 1991 – *Алиев У.* Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. – Черкесск: [Б.и.], 1991. – 320 с.
- Барзбиев 2000 – *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с. С. 19–25.
- Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: Институт археологии Кавказа, 2006. – 239 с.
- Бегеулов 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – 2-е изд., испр. – Карачаевск: КЧГУ, 2009. – 290 с.
- Боров и др. 2020 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.* Проблемы концептуализации традиционной системы интер-социальных взаимодействий на Центральном Кавказе: становление историографической традиции (конец XVIII – начало XX

века) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 2. – С. 68–110. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-2-68-110>

Виноградов 1981 – *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. – 1981. – №1. – С. 35–50.

Докладная записка... 2010 – *Докладная записка* товарища Алиева. История национальной розни между Карачаем и Кабардой и земельный вопрос / Подготовка к публикации и комментарии А.Г. Кажарова // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2010. – Вып. IX. – С. 376–400.

История Ингушетии... 2013 – *История Ингушетии*: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. – 600 с.

История Кабардино-Балкарской... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР* с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1967. – 482 с.

История Кабарды... 1957 – *История Кабарды* с древнейших времен до наших дней / Ред. колл.: Н.А. Смиронов (отв. редактор), З.В. Анчабадзе, Н.Е. Гуревич, В.П. Крикунов, Т.Х. Кумыков, И.Ф. Мужев, Х.М. Сабанчиев. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – 395 с.

История народов... 1988 – *История народов* Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

История Осетии... 2012 – *История Осетии*: в 2-х т. Т. 1: История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века / Гл. ред. З.В. Канукова. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 498 с.

История Северо-Осетинской... 1959 – *История Северо-Осетинской АССР* / Отв. ред. С.К. Бушуев. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – 335 с.

История Северо-Осетинской... 1968 – *История Северо-Осетинской АССР* с древнейших времен до наших дней: учебное пособие для учителей истории и для учащихся старших классов / Под ред. М.С. Тотоева. – Орджоникидзе: Типография Управления по печати при Совете Министров СО АССР, 1968. – 250 с.

История Северо-Осетинской... 1987 – *История Северо-Осетинской АССР*: С древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1 / Гл. ред. А.П. Новосельцев. – Орджоникидзе: Ир, 1987. – 529 с.

История Чечни... 2008 – *История Чечни* с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: ГУП "Книжное издательство", 2008 – 828 с.

Кажаров 2010 – *Кажаров А.Г.* У.Д. Алиев и некоторые проблемы национально-государственного развития народов Северного Кавказа в начале 1920-х гг. // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2010. – Вып. IX. – С. 76–90.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о территории феодальной Кабарды // Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. А.Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – С. 570–589.

Кипкеев 2005 – *Кипкеев И.С.* История правовой культуры этнополитических отношений на Северо-Западном Кавказе (XVI–XIX вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Черкесск, 2005. – 174 с.

Кожев 2005 – *Кожев З.А.* Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI–XVIII) // Исторический вестник. – 2005. – Вып. 1. – С. 118–144.

Кожев 2016 – *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 172 с.

Кокиев 2005а – *Кокиев Г.А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: ГП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа». – С. 122–177.

Кокиев 2005б – *Кокиев Г.А.* Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: ГП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа». – С. 198–206.

Кокиев 2005с – *Кокиев Г.А.* Краткий исторический очерк Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 411–469.

Конфедерация... 2010 – *Конфедерация* // Большая Российская Энциклопедия: в 30 т. Т. 15: Конго-Крещение / Отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2010. – С. 161.

Крадин 2006 – *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина и др. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 490–511.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 419 с.

Налоева 1973 – *Налоева Е.Дж.* Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. – Нальчик: Б.и., 1973. – 22 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 368 с.

Очерки истории... 1961 – *Очерки истории* балкарского народа (с древнейших времен до 1917 года) / Ред. колл.: А.В. Фадеев, Т.Х. Кумыков, В.П. Крикунов, Х.И. Хутуев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 220 с.

Очерки истории Карачаево-Черкесии... 1967 – *Очерки истории Карачаево-Черкесии:* в 2-х т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. В.П. Невская. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1967. – 600 с.

Очерки истории Чечено-Ингушской... 1967 – *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР:* в 2-х т. Т. 1: С древнейших времен по март 1917 года / Гл. ред. Н.А. Смирнов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. – 316 с.

Тебуев, Хатуев 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

Улигов 1972 – *Улигов У.А.* Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 164 с.

Хатуев 1999 – *Хатуев Р.Т.* Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: Власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). – М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 5–198.

Шаханов 1991 – *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика / Предисл., сост. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 287 с.

Thapar 1981 – *Thapar R.* The State as Empire // The Study of the State / Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague: Mouton Publishers, 1981. – P. 409–426.

REFERENCES

- ABAEV M.K. *Balkariya: Istoricheskii ocherk* [Balkaria: A Historical essay]. – Nalchik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russian)
- ALAEV L.B. *Imperiya: fenomen ili etap razvitiya?* [Empire: Phenomenon or Stage of Development?]. IN: *Voprosy istorii*. – 2000. – No. 4–5. – P. 148–156. (In Russian)
- ALIEV U. *Karachai (Karachaevskaya avtonomnaya oblast'). Istoriko-etnologicheskii i kul'turno-ekonomicheskii ocherk* [Karachay (Karachay Autonomous Region). Historical-ethnological and cultural-economic essay]. – Cherkessk: [W.p.], 1991. – 320 p. (In Russian)
- BARAZBIEV M.I. *Etnokul'turnye svyazi balkartsev i karachaevtsev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnocultural ties of Balkars and Karachais with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 112 p. (In Russian)
- BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries]. – M.: Institut arkheologii Kavkaza, 2006. – 239 p. (In Russian)
- BEGEULOV P.M. *Tsentrал'nyi Kavkaz v XVII – pervoi chetverti XIX veka: ocherki etnopoliticheskoi istorii* [Central Caucasus in the 17th – first quarter of the 19th century: essays on ethnopolitical history]. – Karachaevsk: KChGU, 2009. – 290 p. (In Russian)
- BOROV A.Kh., MURATOVA E.G., AZIKOVA Yu.M. *Problemy kontseptualizatsii traditsionnoi sistemy inter-sotsial'nykh vzaimodeistvii na Tsentrал'nom Kavkaze: stanovlenie istoriograficheskoi traditsii (konets XVIII – nachalo XX veka)* [The Problems of Conceptualizing the Traditional System of Inter-Social Interactions in the Central Caucasus: the Formation of a Historiographical Tradition (the End of 18th – Early 20th Century)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 2. – P. 68–110. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-2-68-110> (In Russian)
- Dokladnaya zapiska tovarishcha Alieva. Istoriya natsional'noi rozni mezhdu Karachaem i Kabardoi i zemel'nyi vopros / Podgotovka k publikatsii i kommentarii A.G. Kazharova* [Memorandum of Comrade Aliyev. The history of ethnic strife between Karachai and Kabarda and the land question. Preparation for publication and comments by A.G. Kazharov]. IN: *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN*. – 2010. – Iss. IX. – P. 376–400. (In Russian)
- Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 1: Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XIX veka* [History of Chechnya from ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1: History of Chechnya from ancient times to the end of the 19th century]. – Grozny: GUP "Knizhnoe izdatel'stvo", 2008 – 828 p. (In Russian)
- Istoriya Ingushetii: kollektivnaya monografiya / Otv. red. N.D. Kodzoev* [History of Ingushetia: collective monograph. Exec. ed. N.D. Kodzoev]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi izdatel'skii dom, 2013. – 600 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 1* [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1]. – M.: Nauka, 1967. – 482 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardy s drevneishikh vremen do nashikh dnei / Red. koll.: N.A. Smironov I dr.* [History of Kabarda from ancient times to the present day. Ed. by N.A. Smirov and others]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. – 395 p. (In Russian)
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. A.L. Narochnitskii* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century. Exec. ed. A.L. Narochnitsky]. – M.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russian)
- Istoriya Osetii: v 2-kh t. T.1. Istoriya Osetii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka / Gl. red. Z.V. Kanukova* [History of Ossetia: in 2 volumes. Vol. 1: History of Ossetia from ancient times to the end of the 18th century. Ch. ed. Z.V. Kanukova]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 498 p. (In Russian)
- Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR / Otv. red. S.K. Bushuev* [History of the North Ossetian ASSR. Exec. ed. S.K. Bushuev]. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. – 335 p. (In Russian)

Istoriya Severo-Osetinskoï ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: uchebnoe posobie dlya uchitelei istorii i dlya uchashchikhsya starshikh klassov / Pod red. M.S. Totoeva [History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: a textbook for history teachers and high school students. Ed. by M.S. Totoeva]. – Ordzhonikidze: Tipografiya Upravleniya po pechatu pri Sovete Ministrov SO ASSR, 1968. – 250 p. (In Russian)

Istoriya Severo-Osetinskoï ASSR: S drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 1 / Gl. red. A.P. Novosel'tsev [History of the North Ossetian ASSR: From ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1. Ch. ed. A.P. Novoseltsev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1987. – 529 p. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920s)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *U.D. Aliev i nekotorye problemy natsional'no-gosudarstvennogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v nachale 1920-kh gg.* [U.D. Aliyev and some problems of the national-state development of the peoples of the North Caucasus in the early 1920s.] IN: *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniï Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN.* – 2010. – Iss. IX. – P. 76–90. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *K voprosu o territorii feodal'noi Kabardy* [On the question of the territory of feudal Kabarda]. IN: KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / Sost. A.Kh. Abazov* [Selected works on the history and ethnography of the Circassians. Comp. by A.Kh. Abazov]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2014. – P. 570–589. (In Russian)

KHATUEV R.T. *Karachai i Balkariya do vtoroi poloviny XIX v.: Vlast' i obshchestvo* IN: *Karachaevtsy i balkartsy (etnografiya, istoriya, arkheologiya)* [Karachay and Balkaria until the second half of the 19th century: Power and Society]. – M.: IEA RAN, 1999. – P. 5–198. (In Russian)

KIPKEEV I.S. *Istoriya pravovoi kul'tury etnopoliticheskikh otnoshenii na Severo-Zapadnom Kavkaze (XVI–XIX vv.): Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [History of the legal culture of ethno-political relations in the North-West Caucasus (XVI–XIX centuries): Dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Cherkessk, 2005. – 174 p. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Kabardino-osetinskie otnosheniya v XVIII v.* [Kabardino-Ossetian relations in the 18th century]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: GP «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa». – P. 122–177. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Kratkii istoricheskii ocherk Kabardy* [A brief historical outline of Kabarda]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.X. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – P. 411–469. (In Russian)

KOKIEV G.A. *Raspad Kabardy na Bol'shuyu i Maluyu i ustanovivshiesya otnosheniya s sosednimi narodami* [The disintegration of Kabarda into Big and Small and established relations with neighboring peoples]. IN: *Istoriya Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov / Vyyavlenie, arkheografiya, sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya G.Kh. Mambetov* [The history of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokiev. Collection of articles and documents / Identification, archeography, compilation, introductory article by G.Kh. Mambetov]. – Nalchik: GP «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa». – P. 198–206. (In Russian)

Konfederatsiya [Confederation]. IN: *Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya: v 30 t. T. 15: Kongo-Kreshchenie / Otv. red. S.L. Kravets* [Great Russian Encyclopedia: in 30 volumes. Vol. 15: Kongo-Kreshchenie. Exec. ed. S.L. Kravets]. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 2010. – P. 161. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ierarkhicheskie svyazi kabardintsev s narodami Severnogo Kavkaza (XVI–XVIII)* [Hierarchical ties of Kabardins with the peoples of the North Caucasus (XVI–XVIII)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – 2005. – Iss. 1. – P. 118–144. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Sotsial'no-politicheskoe i etnokul'turnoe prostranstvo Cherkessii (XVI – nach. XIX v.): printsipy samoorganizatsii* [Socio-political and ethnocultural space of Circassia (16th – early 19th century): principles of self-organization]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 172 p. (In Russian)

KRADIN N.N. *Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya evolyutsiya* [Nomads, world-empires and social evolution]. IN: *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: sb. st. / pod red. L.E. Grinina i dr.* [Early state, its alternatives and analogues: collection of articles. Edited by L.E. Grinin and others]. – Volgograd: Uchitel', 2006. – P. 490–511. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Socio-political history of Balkaria in the 17th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 419 p. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *Gosudarstvenno-politicheskii stroi i mezhdunarodnoe polozhenie Kabardy v pervoi polovine XVIII v.: Atofef. diss. ... k.i.n.* [The state-political system and the international position of Kabarda in the first half of the 18th century: Thesis of the dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik: W.p., 1973. – 22 p. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskego feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-political history. Comp. by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – 368 p. (In Russian)

Ocherki istorii balkarskogo naroda (s drevneishikh vremen do 1917 goda) / Red. koll.: A.V. Fadeev, T.Kh. Kumykov, V.P. Krikunov, Kh.I. Khutuev [Essays on the history of the Balkar people (from ancient times to 1917). Ed. board: A.V. Fadeev, T.Kh. Kumykov, V.P. Krikunov, H.I. Khutuev]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 220 p. (In Russian)

Ocherki istorii Checheno-Ingushskoi ASSR: v 2-kh t. T. 1: S drevneishikh vremen po mart 1917 goda / Gl. red. N.A. Smirnov [Essays on the history of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic: in 2 volumes. Vol. 1: From ancient times to March 1917. Ch. ed. N.A. Smirnov]. – Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 316 p. (In Russian)

Ocherki istorii Karachaevo-Cherkessii: v 2-kh t. T. 1: S drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii / Otv. red. V.P. Nevskaya [Essays on the history of Karachay-Cherkessia: in 2 volumes. Vol. 1: From ancient times to the Great October Socialist Revolution. Exec. ed. V.P. Nevskaya]. – Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 600 p. (In Russian)

SHAKHANOV B.A. *Izbrannaya publitsistika / Predisl., sost. i komment. T.Sh. Bittirovoi* [Selected publicism. Preface, comp. and comments by T.Sh. Bittirova]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 287 p. (In Russian)

TEBUEV R.S., KHATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkartsev* [Essays on the history of the Karachay-Balkarians]. – M.: Ileksa; Stavropol': Stavropol'servisshkola, 2002. – 224 p. (In Russian)

THAPAR R. The State as Empire. IN: *The Study of the State / Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik*. – The Hague: Mouton Publishers, 1981. – P. 409–426. (In English)

ULIGOV U.A. *Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Kabardino-Balkarii* [From the history of the nation-state building in Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1972. – 164 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B. *Genezis feodalizma na Tsentral'nom Kavkaze* [The genesis of feudalism in the Central Caucasus]. IN: *Voprosy istorii*. – 1981. – No. 1. – P. 35–50. (In Russian)